

Набирала: Маафра

Л.Чарская

В рождественский вечер.

В доме боярина князя Никиты Филимоныча Крутоярского дым стоял коромыслом. Княжна боярышня Уленька Крутоярская нарядила всех своих сенных девушек-служанок в разные наряды скоромошеские, - кого медведицей, кого козой, кого важной боярыней, кого торговкой из плодовых рядов, что в Китай-городе, и теперь тешилась с ними разными играми, под залихватый, звонкий, девичий хохот.

Смеялась боярышня-княжна, смеялись девушки, смеялась и сама княгиня-боярыня. Лишь одна нянюшка Степанида, - вынынчившая не только боярышню, свое красное солнышко, но и старую княгиню, которая и выросла, и расцвела, и успела состариться на ее руках, - одна только нянька эта была недовольна затеей своей боярышни и то и дело ворчала:

- Ишь затейница! Ишь бесстыдница! В какой праздник поганому делу, прости Господи, предаешься. Небось, припекут-то за такое дело на том свете. Небось и так залаете. То ли бы ладно да смирно было: сели бы чин-чином вокруг стола да на лавках да песенку бы завели какую путевую... Да сахарными снедями себя потешили, да орешками в меду, да пряниками... Ан нет, мало тебе этого: завели, прости Господи, бесчинное, бесовское кружение. Чур меня! Чур! Чур! Чур!

Последние слова относились к любимой наперснице княжны - черноокой Матреше, которая с козьею личной на голове подобралась к старой Степанидушке и завертелась с ней вместе под веселый, раскатистый смех подруг.

Кое-как отделалась от шалуни Степанидушка. Матреша быстро скинула личину козы и, заменив ее медвежьей шкурой, забавно переваливаясь с ноги на ногу, стала изображать Мишку Топтыгина, отправляющегося за медом на пчельник. Ужимки Матрешы очень смешили княжну. Сама она, темноглазая, чернобровая юная красавица, сидела подле княгини матери и от души смеялась над веселой затеей.

Развеселилась и сама княгиня. Впервые за долгие месяцы улыбнулась она нынче. Впервые отлегло от сердца и прояснилось в душе ее после бесконечных тревог и волнений.

Тяжелое время переживала в те годы вся Русь. Обуреваемый недугами телесными и душевными, озлобленный на бояр старинных знатных родов царь Иоанн Васильевич, прозванный впоследствии за свои жестокие деяния "Грозным", устроил целое гонение подчас на лучших людей. Слишком еще живо было в памяти царя несправедливое отношение к нему знатных бояр, управлявших за его малолетством государством, чтобы он, злопамятный, подозрительный и жестокий по натуре, не пожелал отомстить за все пережитое, перечувствованное. Теперь, окружив себя опричиною, этою страшною ордою телохранителей, которую он набрал из самых "худородных" людей, ненавидящих знатных родовитых бояр, царь Иоанн Васильевич начал при помощи ее всячески истреблять старинные боярские роды.

Опричники под начальством вероломного Малюты Скуратова, царева любимца, собирали всевозможные клеветы про ненавистных им бояр и доносили царю о несуществующих винах последних. И царь производил кровавую расправу над ни в чем неповинными людьми. Их бросали в тюрьмы, мучили, пытали, а именья их отдавали опричникам. Многие знатные бояре погибли уже таким образом. Было о чем тревожиться оставшимся в живых, казалось, уцелевшим чудом. Вот почему тужила и горевала тайком у себя в тереме княгиня Крутоярская.

И только последние дни поуспокоилась немного она. Стал ласковее к ее князю-супругу государь. Стал чаще приглашать его во дворец да слушать его советов. Вот и нынче, приказав явиться на праздничную вечерню, задержал его у себя в покоях после богослужения. Прислал слугу из дворца князь-боярин, прося жену и дочь не беспокоиться, потому дюже добр, ласков с ним нынче надежа-государь и не отпускает его до вечерней трапезы.